

АРИСТОТЕЛЬ

О ДУШЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(3)
ББК 87.3(0)
А81

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Аристотель.

А81 О душе : [перевод с древнегреческого] / Аристотель . — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-169853-9

Аристотель (384–322 до н.э.) — один из величайших мыслителей Античности, ученик Платона и воспитатель Александра Македонского, основатель школы перипатетиков, основоположник формальной логики, ученый-естествоиспытатель, оказавший значительное влияние на развитие западноевропейской философии и науки.

В настоящий сборник входят трактат Аристотеля «Исследование о душе», посвященный природе человеческой души, логический трактат «Об истолковании», две небольших работы из «Малых сочинений о природе» и редко издаваемый «Протрептик», созданный для пробуждения интереса к философии среди молодежи и сохранившийся лишь фрагментарно.

УДК 1(091)(3)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-169853-9

© Перевод. Е. Алымова, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ИССЛЕДОВАНИЕ О ДУШЕ

Περὶ ψυχῆς ἰσορῖα. Латинские комментаторы и переводчики постоянно опускают слово ἰσορῖα и озаглавливают сочинение просто — de anima. Weisse и Kirchmann тоже сделали в немецком переводе, назвав его Ueber die Seele. Colier, опустив ἰσορῖα, дал широкий смысл самому слову ψυχή и перевел — on-the vital principle. Бартеlemi-С. Илер перевел слово ἰσορῖα словом traité, весьма близким в данном случае к широкому смыслу слова ἰσορῖα, как и русское слово «исследование». Torstrik справедливо находит, что слово ἰσορῖα здесь соответствует латинским indagatio, investigation. Arist. De Anima. 1862. 112 p.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

1) Признавая всякое знание делом прекрасным и достойным уважения, но в то же время ставя одно знание выше другого, или как более трудное, или как относящееся к предметам более возвышенным и удивительным¹, мы должны по обоим этим причинам справедливо дать исследованию о душе одно из первых мест. Кажется также, что знание души весьма много способствует познанию всей истины², особенно же познанию природы, так как душа есть как бы основа всех живых существ. Мы потому намерены исследовать и определить ее природу и сущность, также ее проявления, из которых одни, по-видимому, суть ее собственные сознания, другие суть состояния живых существ, обуславливаемые ее присутствием.

2) Дать точное понятие о душе — дело во всех отношениях чрезвычайно трудное. При существовании общих вопросов относительно многих пред-

¹ О сравнительном достоинстве знаний см.: Anal. prior. I, 27. De part. animal. I, 5.

² Многие комментаторы думают, что под ἀκτῖθειαι ἄπλασ Αριστοτέλης разумеет философию, потому что психология имеет действительно важное значение в решении всех философских вопросов. *Hilaire B. S. Traité de l'ame*, p. 96. Nota.

метов — я понимаю вопросы о сущности и природе — должен, кажется, существовать один какой-либо метод для исследования сущности всех предметов, точно так же как один метод для исследования свойств каждого из них. В таком случае нужно отыскать этот метод. Если же нет одного метода для исследования сущности и свойств, то дело становится еще труднее, потому что является необходимость для каждого предмета искать особый прием исследования. Наконец, когда будет открыто, что исследование должно идти, положим, путем демонстрации, разделения или каким-либо другим методом, возникают новые затруднения и недоумения; является вопрос, из каких начал должно выходить исследование, потому что начала различных предметов неодинаковы, как, напр., не одни и те же начала чисел и поверхностей¹.

3) Может быть, прежде всего нужно определить, к какому роду предметов душа относится, т. е. есть ли она самостоятельное существо и сущность, или качество, или количество, или относится к какой-либо другой из установленных нами категорий, также есть ли она нечто существующее только в возможности или деятельная сила. Определение всего этого имеет немалую важность. 4) Далее нужно подвергнуть исследованию, состоит душа из частей или нет, и если нет, то видовое или родовое различие существует между душами? Это нужно потому, что доселе писатели о душе и исследователи ее имели, кажется, в виду исключительно

¹ Подробности об этом см.: Anal. post. L. I, с. 9, 10, 11.

человеческую душу. 5) Кроме того, не должно опускать из виду и того, есть ли понятие о душе одно, как, напр., понятие о животном, или особое для души каждого живого существа, а именно — лошади, собаки, человека, бога; при этом не нужно забывать, что живое существо как общее понятие или вовсе не существует в действительности, или есть нечто являющееся после¹, и что то же самое имеет силу относительно всякого общего понятия. 6) Наконец, если не существует многих различных душ, а есть только часть души, то является вопрос, что прежде исследовать: всю душу или ее части? При исследовании самых частей является затруднение относительно определения того, какие из них различаются между собой по природе и что нужно исследовать — самые ли эти части или их деятельность — мышление или ум, ощущение или способность ощущения? 7) Если нужно исследовать прежде деятельности, то опять является недоумение, не должно ли подвергнуть исследованию сначала их объекты, напр., ощущаемое прежде ощущения, мыслимое прежде мышления? 8) Несомненно, что для познания причин, которыми производятся явления в предметах²,

¹ ὕστερον. Аристотель хочет сказать, что понятие есть результат отвлечения и является только в мышлении, которое обуславливается бытием предметов и позднее их — ὕστερον. Схоластики обозначили это термином *substantia post rem*.

² Οὐσία у Аристотеля не тождественно с метафизическим термином «сущность», «субстанция», а обозначает целое существо и может быть во многих случаях, как и в данном, переведено удобно словом «предмет».

необходимо знание сущности их — как, напр., в математике необходимо знать, что такое прямота и кривизна, что такое линия и что такое поверхность, для того чтобы определить, скольким прямым углам равны углы треугольника, — но, в свою очередь, знание явлений весьма много способствует познанию сущности. Потому что, если мы будем в состоянии ясно представить себе все или большую часть явлений, то будем иметь возможность ясно и определенно говорить и о сущности. Сущность есть основа всякого доказательства, и те из ее определений, по которым нельзя познать явлений и даже нельзя составить о них предположения, очевидно, все будут диалектическими и пустыми.

9) При исследовании состояний души также представляется трудный вопрос, все ли эти состояния у нее общи с телом или есть между ними принадлежащие одной душе? Решить этот вопрос необходимо, но нелегко. Кажется, что большая часть их — действие и страдание, также гнев, самоуверенность, желание и вообще всякое чувство никак не могут быть без участия тела; но мышление, по-видимому, есть действие одной души. Однако же, так как оно состоит из образов воображения, по крайней мере, не может совершаться без тела. 10) Если какая-либо из деятельностей и состояний души принадлежит ей одной, то ее можно представить как отдельное существо. Если же нет ничего ей одной принадлежащего, то она неотделима от тела и должна мыслиться точно так

же как, напр., прямая линия. Прямая линия может находиться в различных положениях, напр., касаться в одном только пункте медного шара; но это прикосновение производится не прямою самой по себе, а телом, в котором она всегда находится и от которого неотделима. Подобным же образом и все состояния души — гнев, кротость, страх, милосердие, самоуверенность, также радость, любовь и ненависть — находятся в связи с телом, потому что с явлением их в душе и тело подвергается изменению. Бывает даже, что при сильных и очевидных возбуждениях иногда не является никакого сильного волнения или страха в душе, иногда же незначительные и темные возбуждения производят волнение — именно в тех случаях, когда находится в сильном возбуждении тело, и приходит в такое состояние, в каком оно бывает во время гнева. Зависимость этих волнений от тела особенно очевидна в тех случаях, когда без всякой причины, могущей возбудить страх, некоторые обнаруживают все признаки страха. А если это так, то ясно, что страстные состояния имеют свой источник в материи. Потому состояния, подобные гневу, определяются как движение такого-то тела, или части и способности тела, производимое тем-то и с такой-то целью. 11) Вследствие всего этого исследование как всей души, так и этих ее состояний есть дело физика¹. Но физик определит каждое

¹ φυσικός τὸ θεωρεῖσθαι περὶ ψυχῆς. Слово φυσικός соответствует в данном случае нынешнему — физиолог.

из этих состояний не так, как диалектик¹. Последний, определяя, напр., гнев, скажет, что он есть стремление отомстить причиненную обиду или что-нибудь в этом роде, первый же определит гнев как кипение крови или теплоты, находящейся около сердца. В этом случае один обращает внимание на материю, другой на форму и понятие. Понятие есть форма предмета, но если предмет действительно существует, оно необходимо соединено с каким-либо определенным веществом. Так понятие дома, напр., состоит в том, что он есть убежище, защищающее от ветров, дождя и зноя; но один исследователь назовет его совокупностью камней, кирпичей и дерева, другой же обратит внимание на форму, осуществленную в этих веществах с определенной целью. Который же из них естествоиспытатель? Тот, который, обращая внимание на вещество, не знает понятия, или тот, который имеет в виду только понятие? Не тот ли скорее, который обращает внимание на то и другое? Но кто же каждый из этих исследователей? Состояния материи, неотделимые от нее, и настолько, насколько они не отделимы, не составляют ли предмет исследования одного, и именно физика, который исследует все действия и состояния определенных тел и определенного вещества? Все же то, что не относится к этому роду, исследуется другими. Именно одна часть служит предметом для

¹ Διαλεκτικός — исследователь, основывающийся на умозрении; в данном случае — исследователь, основывающийся на внутреннем наблюдении.

художника или же, в некоторых случаях, архитектора и врача. Другая часть, состоящая из свойств тел, неотделимых от них, но которые не составляют принадлежности какого-либо определенного тела и получаются путем отвлечения, исследуется математиком. Те же самые отвлеченные свойства, когда они рассматриваются как отделимые от тел, составляют предмет метафизика¹.

Но возвратимся к тому, на чем остановились. Мы сказали, что состояния души неотделимы от вещества, из которого состоят животные, неотделимы как совершающиеся в определенном теле, подобно тому как совершаются гнев, страх, а не в том смысле, в каком неотделимы от тел линия и поверхность.

Глава вторая

1) Поставив на вид необходимо возникающие при изучении души недоумения и трудности, исследователь должен изучить и сравнить между собою мнения прежних исследователей, говоривших о душе, для того чтобы заимствовать у них истинное и избежать их заблуждений.

¹ Мысль, развиваемая в этой тираде и затемненная мало идущим к делу отступлением, та, что исследование явлений душевной жизни должно производиться путем внешнего и имеет внутреннее наблюдение: истинный психологический метод, как бы выразился современный философ, должен быть объединением объективного и субъективного наблюдения и метода.

2) В основу этого изучения нужно положить то свойство души, которое у прежних исследователей почитается преимущественно перед другими, принадлежащими ей по природе. Одушевленное существо отличается от неодушевленного главным образом, по-видимому, двумя свойствами — движением и ощущением. Потому от прежних исследователей дошли до нас почти два только мнения о душе. Одни утверждают, что душа главным образом и прежде всего есть начало движущее, но при этом, полагая, что неподвижный предмет не может приводить в движение другой, они причислили и душу к предметам движущимся. 3) Потому Демокрит учит, что душа есть особого рода огонь и теплота. Из бесконечного множества атомов, имеющих бесконечное множество различных форм, атомы, имеющие сферическую форму, составляют, по его мнению, огонь и душу. Атомы эти имеют сходство с теми пылинками, которые видны в полосе света, входящей через окна: рассеянные повсюду, они суть элементы, из которых состоит вся природа. Подобным же образом учит и Левкипп. Оба они признавали душу, состоящую из круглых атомов, потому что тела этой формы преимущественно пред другими способны проникать всюду и двигать другие тела, когда сами приведены в движение. При этом душу они почитали началом, производящим движение животных. Потому-то жизнь, по их мнению, прекращается вместе с прекращением дыхания. Между тем как окружающая тела среда давит и вытесняет атомы, находящиеся

внутри их и дающие животным движение в силу того, что сами никогда не бывают в покое, — атомы, находящиеся вне тела и входящие в него через дыхание, подкрепляют их, не допуская их выйти из тела и препятствуя сгущению и охлаждению под влиянием внешнего давления. Животные живут до тех пор, пока могут совершать это действие.

4) По-видимому, и учение пифагорейцев заключается в себе тот же смысл, потому что некоторые из них утверждали, что душа состоит из носящихся в воздухе пылинок, другие — что душа есть сила, приводящая эти пылинки в движение. Такое мнение образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже в то время, когда воздух находится в совершенном покое. Сюда же нужно причислить и тех, кои признают душу началом самодвижущимся, потому что все они, кажется, думали, что движение есть существенное свойство души, что все приводится в движение душой. И так как они видели, что никакой предмет не производит движения, не будучи сам движущимся, то пришли к мысли, что душа движет сама себя.

5) Подобным же образом признавал душу движущим началом Анаксагор или другой, кто бы он ни был¹, высказавший мысль, что все приводится в движение разумом. Но его учение не вполне то

¹ Здесь разумеется Гермотим Клазоменский, который прежде еще Анаксагора высказал мысль, развитую этим последним. *Metaph. L. I, c. 3, n. 13, 984 p.*: φανερόως μὲν οὖν Ἀναξαγόραν ἴσμεν ἀψάμενον τέτων τῶν λόγῶν, ὅτιάν δ' ἔχει πρότερον Ἑρμότιμος ὁ κλαζομένιος εἰπεῖν.

же, что учение Демокрита. Демокрит прямо почитал душу и ум одним и тем же, так как считал истинным все, что нам является, и потому одобрял Гомера, сказавшего о Гекторе, что он «лежал и мыслил иначе»¹. Он смотрит на ум не как на силу, которою постигается истина, а отождествляет его с душою. Анаксагор говорит об этом не совсем ясно. Во многих местах он признает ум источником прекрасного и справедливого, в других же отождествляет его с душою, утверждая, что ум присущ всем живым существам, малым и большим, благородным и низким. Но легко видеть, что ум, называемый благоразумием, не только не принадлежит в одинаковой мере всем животным, но даже не всем людям².

б) Таким образом, все те, кои обращали внимание на способность одушевленного существа двигаться, признавали, что душа есть нечто в высшей степени обладающее способностью движения. Но те, кои обращали внимание на процесс познания

¹ Эта мысль подробнее развивается в метафизике Lib. IV, с. 5, 1009 р. (в изд. Дидо, с. III), где, между прочим, говорится: «Существует предание, что и Анаксагор учил, будто все вещи всегда существуют так, как они познаются каждым». Даже о Гомере утверждают они (выше говорится о Демокрите и Эмпедокле), что он имел такое же воззрение: именно он представляет Гектора, лишившегося сознания вследствие удара, лежащим и «мыслящим иначе», как будто и безумные мыслят, только иначе. В дошедшем до нас тексте Илиады места, приводимого Аристотелем, нет вовсе. В. S. Hilaire. *Traité de l'ame* III р. Nota. Kirchmann. *Philos. Bill.* T. 38, 193. Nota. 327.

² Ср.: *De anim. Hist.* Lib. VIII, с. 1, 588 р.

и ощущения животных, утверждают, что душа относится к началам: при этом одни из них допускают несколько начал, другие — одно начало — саму душу. Так Эмпедокл представляет душу состоящую из всех стихий и каждую из них почитает душой. Он говорит:

Землю — землю, воду — водою мы познаем,
Эфир божественный знаем эфиром, и огнем
разрушительный пламень,
Любовью любовь и раздором печальный раздор.

7) Подобным же образом и Платон в *Тимее*¹ составляет душу из стихий, потому что утверждает здесь, что подобное познается подобным и предметы состоят из начал. Так же точно представляется дело и в сочинении «О философии»²: животное само по себе представляется состоящим из идеи единого и из первичной долготы, широты и глубины. В том же роде даются определения и всех других существ. Становясь на другую точку зрения, Платон утверждает, что ум есть единое, знание же — двоично, потому что к единому присоединяется еще одно — действие³. Далее утверждает, что

¹ Plato. *Timaeus*. 30–38 pp.

² Симплиций и Филопон утверждают, что здесь разумеется потерянное сочинение самого Аристотеля «О благе», в котором наложено им упоминаемое здесь учение Платона и Пифагора. Bart. S. Nilaire, op. c. 172–173 pp. Nota. Кирхман признает это сочинение потерянным сочинением Платона: часть его воспроизведена, по его мнению, в 13-й и 14-й книгах метафизики. Phil. Bibl. T. 43, 17. Nota 20.

³ $\mu\omicron\nu\chi\omega\varsigma \gamma\acute{\alpha}\rho \epsilon\delta'$ ἔν. К единому — уму — в знании присоединяется деятельность ума, и становится два.